

«БАЛКОН НАД НЕВОЙ»

Надежда Чародейская

Роман о любви, которая сильнее дождя

Надежда Чародейская

Балкон над Невой

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Балкон над Невой / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Алиса Градова — художник-керамист, живущая в старой коммуналке на Петроградской стороне. Она привыкла к творческому хаосу, вечному питерскому дождю и одиночеству. Её враг — сосед снизу, архитектор-реставратор Лев Нестеров, который мечтает выкупить весь дом и превратить его в идеальную мастерскую. Их первая встреча заканчивается потопом из глины и испорченным антикварным чертежом. Они начинают войну: он пытается её выселить, она оставляет грязные отпечатки на его идеальной двери. Но случайное предложение работы сближает их. Лев видит талант Алисы, Алиса узнаёт его тайну — дом, который он восстанавливает, связан с памятью об отце. Их история — это путь от ненависти до любви. Предательство бывших, шантаж, угрозы, попытка разрушить их дом — они проходят через всё. Смогут ли они сохранить то, что построили? Роман о том, что дом — это не стены. Дом — это люди, которые в нём живут. И о том, что даже в самом сером городе можно найти своё солнце.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глина и чертежи	5
Глава 2. Чертёж для матери	11
Глава 3. Коты, дождь и неловкость	17
Глава 4. Лепнина, секреты и первое "да"	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Балкон над Невой

Глава 1. Глина и чертежи

Дождь в Петербурге идёт всегда.

Нет, правда. Даже когда выглядывает солнце, где-то за Васильевским островом обязательно висит серая туча, которая ждёт своего часа, чтобы обрушить на город всю свою тоску. Я живу здесь уже восемь лет, и это единственное место, где погода умеет обижаться. Она обижается на тебя за то, что ты вышел без зонта, за то, что не угадал с настроением, за то, что вообще посмел высунуть нос из дома.

Сегодня дождь лил особенно навязчиво. Мелкий, противный, такой, который проникает за шиворот даже сквозь капюшон и заставляет волосы виться в безнадёжные кудряшки, с которыми я давно смирилась.

Я стояла посреди своей кухни и смотрела на комок серой массы на гончарном круге. Шесть килограммов шамотной глины, два часа работы — и всё это должно было превратиться в ажурную вазу с летящими чайками. Пока что это выглядело как грустный бегемот, который решил прилечь отдохнуть и не нашёл сил встать.

— Ну давай же, — прошептала я, прикасаясь мокрыми пальцами к прохладной поверхности. — Ты ведь можешь быть красивой.

Глина молчала. Глина всегда молчит, пока ты не докажешь ей, что ты здесь главная.

Я вдохнула поглубже и нажала на педаль. Круг завертелся, и я снова почувствовала то самое знакомое чувство, когда мир сужается до размеров твоих ладоней. В такие моменты нет ни дождя, ни проблем, ни бывшего, который написал вчера, что я «слишком творческая для нормальных отношений». Нормальные отношения. Что за чушь? Словно есть какой-то эталон, под который нужно подгонять себя, как мебель в икеевском каталоге.

Я отвлеклась на эту мысль, и глина предательски ушла влево.

— Чёрт.

Поправила. Снова завертела. Добавила воды. Много воды. Слишком много. Я задумалась о том, как странно устроена жизнь. Тебе двадцать восемь, у тебя диплом художественно-промышленной академии, ты умеешь делать фарфор, который покупают рестораны с мишленовскими звёздами, а единственное, что предлагают тебе мужчины, — это «давай останемся друзьями». Или «ты слишком яркая». Или «у тебя вечно руки в глине, это несексуально».

Несексуально. Ага. Скажите это тем, кто платит по сорок тысяч за мою чашку.

Я так увлеклась своими мыслями, что не заметила, как вода на полу начала собираться в лужицу. Это был первый звоночек. Вторым звоночком стал странный звук, похожий на

выстрел. Что-то бахнуло, и пол под моими ногами жалобно скрипнул, словно старик с больными коленями.

Я замерла.

Вода, которую я щедро лила в глину, теперь веселым ручейком сочилась сквозь щель в паркете. Щель, которая вела напрямиком вниз. К тому самому соседу, которого я ещё ни разу не видела, но уже ненавидела всей душой.

Потому что этот сосед, как мне рассказала баба Степановна с первого этажа, был архитектором. И он скупал комнаты в нашей коммуналке одну за другой. Три уже купил. Осталась моя и ещё две. Его цель — сделать здесь элитное жильё или офис, я не помню точно. Степановна говорила что-то про «реставрационную мастерскую» и про «возвращение исторического облика».

Я помню, как она качала головой и крестилась:

— Ой, доченька, он страшный. В смысле строгий. Никогда не улыбается. И все ходит в чёрном пальто, как из того фильма про вампиров.

Я тогда посмеялась. А теперь смотрела, как мутная глиняная жижа уходит в щель, и понимала, что смеяться было рано.

— Нет, нет, нет, — забормотала я, хватая тряпку.

Но было поздно. Жижа ушла. Вся. Шесть килограммов глины, разбавленной водой, стекли сквозь вековой паркет, как сквозь решето.

Я присела на корточки и заглянула в щель. Темнота. И тишина.

А потом снизу раздался звук, от которого у меня свело живот. Это был крик. Нет, это был рёв. Так мог рычать только человек, который только что увидел, как его любимую коллекцию антиквариата заливают серой жижой. Мат, который он выдал, был настолько витиеватым и художественным, что я даже заплодировала мысленно. Там были и церковные термины, и архитектурные, и, кажется, даже строчка из Пушкина, переделанная на нецензурный лад.

Я подскочила, как ужаленная.

— Боже, боже, боже.

Что делать? Бежать? Прятаться? Притвориться, что меня нет дома? Но он видел свет. И слышал, как я пела «Группу Крови» час назад. Он знал, что я здесь.

Через тридцать секунд в мою дверь постучали. Нет, не постучали. В мою дверь ударили кулаком так, что она чуть не вылетела из петель.

Я открыла. И замерла.

На пороге стоял Он.

Я ожидала увидеть злого старика в тапках. Или толстого дядьку с бородой. Вместо этого передо мной стоял мужчина, от которого у меня на секунду перехватило дыхание.

Высокий. Широкие плечи, которые не скрывало даже идеально сидящее чёрное пальто. Тёмные, влажные от дождя волосы, которые он явно не удосужился стряхнуть, потому что был слишком зол. Лицо — резкое, с высокими скулами и твёрдой линией подбородка. Глаза — серо-стальные, как Нева в ноябре. Холодные, глубокие и такие колючие, что у меня мурашки побежали по рукам.

Он смотрел на меня сверху вниз, и его взгляд прошёлся по моему лицу, потом по фартуку, покрытому глиняными разводами, потом по моим рукам, которые были мокрыми и грязными.

Его лицо перекосила гримаса. Словно он увидел не человека, а какого-то подвального гремлина.

— Вы, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой. Словно он не говорил, а терпел. — Вы — та, кто живёт надо мной?

Я кивнула, чувствуя себя нашкодившим ребёнком.

Он сделал шаг вперёд, и мне пришлось отступить, чтобы он мог видеть кухню. Там был полный хаос: гончарный круг, ведро с водой, стеллажи с заготовками, несколько горшков, которые ждали обжига, и огромное пятно на полу, где ещё недавно была лужа.

— Ваша... ваша жижа, — сказал он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Она только что уничтожила мой чертёж.

Я моргнула.

— Что?

— Чертёж, — повторил он, и в его голосе послышался металл. — Архитектурный проект. Александринский театр. Деталь колоннады. Я работал над ним три месяца. Три месяца, — он выделил это особенно. — И теперь он похож на кашу, которую сварил дурак.

Я открыла рот, чтобы извиниться. Честно. Я хотела сказать «мне очень жаль» и «я всё исправлю». Но вместо этого вылетело:

— А вы, наверное, тот самый сосед, который хочет выселить меня и сделать здесь кофейню?

Он прищурился. В его взгляде мелькнуло что-то опасное.

— Я не делаю кофейни. Я занимаюсь реставрацией исторических зданий. Этот дом построен в 1842 году, и он требует уважения, а не превращения в филиал художественного кружка для домохозяек.

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам.

— Я не домохозяйка. Я художник-керамист.

— О, я заметил, — он обвёл рукой мою кухню. — Особенно оценил масштабы вашего таланта. Только что он затопил мою гостиную.

Я скрестила руки на груди, стараясь не обращать внимания на то, что они всё ещё мокрые.

— Слушайте, мистер Нестеров, — я вспомнила, что Степановна называла его именно так. — Я не специально. Это старый дом. Трубы текут, полы дырявые. Если бы вы не купили квартиру снизу, вода ушла бы в подвал, и никто бы не пострадал.

Его глаза расширились.

— Вы перекладываете ответственность на меня? За то, что я купил квартиру?

— Я перекладываю ответственность на дом. Ему сто восемьдесят лет. Он имеет право капризничать.

Кажется, я перегнула. Его челюсть сжалась, и на скулах заиграли желваки.

— Вы понимаете, что чертёж, который вы уничтожили, стоит больше, чем ваша квартира?

— Моя квартира, — сказала я с нажимом, — не продаётся. И не будет продаваться. Как бы вы ни старались.

Наступила тишина. Только слышно было, как за окном стучит дождь и где-то внизу Степановна врубила телевизор на полную громкость.

Лев Нестеров смотрел на меня так, будто я была не человеком, а занозой, которую нужно немедленно удалить. Я смотрела на него так, будто он был воплощением всего, что я ненавидела в этом городе: холодного, расчётливого, бездушного.

— Я вызову юриста, — сказал он наконец.

— Вызывайте, — ответила я с фальшивой улыбкой. — У меня есть знакомый адвокат. Он специализируется на делах о домовых домогательствах.

Он не понял шутки. Или понял, но не оценил. Он развернулся и начал спускаться вниз, его каблуки громко цокали по старой лестнице.

Я выдохнула и прислонилась к дверному косяку. Сердце колотилось как бешеное. Господи, что я только что сделала? Я уничтожила его работу, а потом ещё и нахамила. Гениальный план. В моей голове уже звучал голос лучшей подруги Кати: «Алиса, твой язык — это твоё оружие массового поражения. И ты всегда стреляешь себе в ногу».

Я закрыла дверь и вернулась на кухню. Глина на круге засохла и превратилась в бесполезный комок. Ваза с чайками не получится. Зато получится скандал, который будет длиться неделями.

Я взяла тряпку и начала вытирать пол.

И тут снизу донёлся звук пылесоса. А следом — его голос. Даже сквозь перекрытия было слышно, как он матерится. Судя по громкости, глиняная жижа затекла не только на чертёж, но и на что-то ещё. Может быть, на диван. Или на ковёр. Или на ту самую идеальную гостиную, о которой мне рассказывала Степановна.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Это была война.

И я только что сделала первый выстрел.

Я подошла к столу и посмотрела на свои чашки. Кривые, смешные, с рыбками и котиками, которые я обожала делать. Там была одна особенная, с надписью «Питер. Любить невозможно ненавидеть». Я взяла её в руки.

Мысль пришла внезапно, как удар молнии.

Я подошла к двери, выскользнула в коридор и спустилась на один пролёт. Вот его дверь. Дорогая, деревянная, с латунной ручкой, которая сияла, как новогодняя ёлка. Настоящий перфекционист. Каждая деталь — идеальна.

Я посмотрела на свои руки. На них была глина. Я прикоснулась к ручке.

Грязный отпечаток остался.

Я улыбнулась, довольная собой, и вернулась к себе. Пусть знает, с кем связался. Я — Алиса Градова, королева хаоса, и я не сдамся так просто.

У меня не было плана. У меня была только злость. И ещё — странное волнение, которое я не могла объяснить. Когда я смотрела в его серые глаза, у меня внутри что-то ёкало. Глупо. Просто глупо. Он же мой враг.

Но почему тогда я не могла перестать думать о том, как он стоял на моём пороге, мокрый и злой, и как его глаза сверкали в полумраке старого дома?

Я тряхнула головой.

— Алиса, не смей. Он хочет тебя выселить. Он — враг.

Я взяла в руки телефон и написала Кате:

«Кать, я, кажется, начала войну с соседом снизу. И он очень красивый. Это проблема?»

Ответ пришёл через минуту:

«Проблема, если ты уже мысленно выходишь за него замуж. Не выходи. Просто выиграй войну».

Я усмехнулась. Легко сказать.

Внизу пылесос наконец замолк. И наступила тишина. Только дождь всё так же барабанил по крыше, как будто ничего не случилось.

Но я знала, что это только начало.

А где-то этажом ниже, в квартире с идеальным ремонтом, стоял мужчина в мокром пальто и смотрел на грязный отпечаток на своей латунной ручке. И в его голове уже рождался план мести.

Глава 2. Чертёж для матери

Я закрыл дверь и прислонился к ней лбом.

В груди кипело такое бешенство, что руки тряслись. Я посмотрел на свои ладони — они были в глине. Мои руки, которые последние три месяца аккуратно держали карандаш, восстанавливая каждый завиток на чертеже, сейчас были перепачканы серой жижей, как у ребёнка, который играл в луже.

Я выругался сквозь зубы и прошёл в гостиную.

Это была моя гордость. Три спальни, объединённые в одно огромное пространство с высокими потолками и лепниной, которую я восстанавливал год. Полы из дубового паркета. Стены цвета слоновой кости. Мебель из массива, без единой царапины. Идеальный порядок. Всё по линиям, всё под углом девяносто градусов, всё на своих местах.

Кроме одного.

На столе, на моём любимом столе красного дерева, который я привёз из Франции, расплылась лужа серой жижи. Она затекла на бархатную скатерть, на стопку книг, на мои записи. И — главное — на чертёж.

Я подошёл ближе и почувствовал, как в груди снова закипает ярость. Чертёж был испорчен полностью. Серая глина смешалась с тушью, превратив тонкие линии в грязные разводы. На месте изящной колоннады Александринского театра теперь было бесформенное пятно.

Это был не просто чертёж.

Я снял пиджак и бросил его на кресло. Потом сел на стул и уставился на испорченную работу. Три месяца. Каждый вечер, после основной работы, я садился за этот стол и выводил линии миллиметр за миллиметром. Я ездил в архив, восстанавливал пропорции, сверялся с фотографиями столетней давности. И всё ради чего?

Ради того, чтобы какая-то сумасшедшая художница сверху залила это глиной, потому что она не умеет пользоваться раковиной.

Я взял телефон. Набрал номер.

— Аркадий Михайлович, привет. Это Лев. Да, извините, что поздно. Подскажите, если я подам в суд на соседа за порчу имущества, это надолго?

Мой юрист, Аркадий Михайлович, закашлялся на том конце провода.

— Лев, ты чего? Потоп?

— Хуже. Глиняный потоп.

— Глиняный? — он явно не понял.

— Долго объяснять. В общем, соседка сверху залила мне квартиру глиной. Испортила антикварный чертёж. Можно ли подать?

Аркадий Михайлович вздохнул.

— Можно. Но нужно будет доказывать стоимость ущерба. Это экспертиза, время, нервы. Ты готов?

Я посмотрел на чертёж. Потом на грязный отпечаток на ручке двери, который я заметил, когда возвращался. Она, оказывается, ещё и ручку испачкала. Специально.

— Готов, — сказал я.

— Тогда завтра скину тебе список документов. И совет: не зли её. Женщины в таких делах бывают непредсказуемы.

Я усмехнулся.

— Она уже непредсказуема. Представляешь, она предложила мне... чашку. В качестве компенсации.

Аркадий Михайлович засмеялся. Я сбросил звонок и откинулся на спинку стула.

Меня зовут Лев Нестеров. Мне тридцать два года. У меня своё архитектурное бюро, которое приносит достаточно денег, чтобы я мог позволить себе покупать квартиры в центре Петербурга и восстанавливать их. Я реставратор, и это не просто работа. Это призвание.

Мой отец был архитектором. Он умер, когда мне было двадцать, и оставил мне свою библиотеку, свои чертежи и свою любовь к этому городу. Петербург — это не просто место на карте. Это организм. Дышащий, живой, капризный. Когда я восстанавливаю лепнину или реконструирую фасад, я чувствую, что общаюсь с ним. Что он меня слышит.

А эта девушка сверху, кажется, говорила с ним на языке варваров.

Я встал и подошёл к окну. Моя квартира на третьем этаже выходила на Малую Морскую. Вид был потрясающий — Исаакий, Невский, шпиль Адмиралтейства. В ясную погоду это было прекрасно. Но сегодня дождь заливал стёкла, и город казался размытым, как акварель, которую кто-то нечаянно пролил.

Я представил её лицо. Она стояла там, в своём бардаке, перепачканная глиной, с этими наглыми глазами, и говорила про «домовые домогательства». Кто она вообще такая? Почему она не продаёт квартиру, когда вокруг неё уже почти никого не осталось?

— Потому что она упёртая, — сказал я вслух.

В дверь позвонили.

Я нахмурился. Кому меня принесло в десять вечера?

Открыл. На пороге стояла высокая женщина лет пятидесяти, в дорогом пальто и с идеальной укладкой. Моя мать, Валентина Петровна.

— Лев, — она вошла без приглашения, как всегда. — Я звонила тебе, но ты не брал трубку.

— Мама, я занят.

Она прошла в гостиную и остановилась, глядя на стол.

— Господи, что это?

— Это, — сказал я, — моя соседка сверху. Она залила квартиру глиной. Чертёж испорчен.

Мать подошла к столу и посмотрела на пятно. Её лицо осталось непроницаемым, но я знал её слишком хорошо. Она была расстроена.

— Тот самый чертёж? Который ты делал для меня?

Я кивнул.

Она вздохнула и села на диван.

— Лев, милый, ты же знаешь, мне не нужны чертежи. Я просто хотела, чтобы ты навестил меня.

Моей матери было пятьдесят семь. Она жила одна в большой квартире на Каменноостровском, и, хотя она никогда в этом не признавалась, она была одинока. После смерти отца она так и не вышла замуж. Говорила, что «достойных нет». Но я знал: она просто боялась, что кто-то займёт место, которое до сих пор принадлежало моему отцу.

— Чертёж можно восстановить, — сказал я. — Частично. У меня есть копии.

— Лев, — она посмотрела на меня тем взглядом, от которого я в детстве таял. — Ты злишься не из-за чертежа. Ты злишься, потому что кто-то нарушил твой порядок.

Я хотел возразить. Но она была права.

— В этом доме, — сказала мать, — всегда был хаос. Я помню, когда мы жили здесь в девяностые, соседи сверху топили нас трижды. И ничего. Мы вытерли пол, починили потолок и жили дальше.

— Это другое, — сказал я. — Я восстанавливал этот дом. Вкладывал деньги, время. Я хочу, чтобы здесь было красиво.

— Здесь красиво, — она оглядела гостиную. — Но ты забываешь, что красота — это не всегда идеальные линии. Иногда красота — это жизнь. А жизнь — это пятна.

Я закатил глаза.

— Ты философствуешь, как всегда.

— А ты упрямый, как всегда, — парировала она.

Я подошёл к бару и налил себе виски. Мать не пила, поэтому я налил ей чай из термоса, который она всегда носила с собой.

— Расскажи мне про неё, — попросила мать, беря чашку.

— Про кого?

— Про соседку. Которая залила твой чертёж.

— Художница. Керамист. Живёт в коммуналке. Не хочет продавать квартиру.

— И всё?

Я помедлил.

— И красивая. В смысле, не красивая. В смысле, она некрасиво себя ведёт. Она — хаос.

Мать улыбнулась уголками губ.

— Хаос. Как интересно. А ты ведь всегда боялся хаоса.

— Я не боюсь. Я его не люблю.

— Сладкий мой, — она потянулась и погладила меня по руке. — Ты боишься, что кто-то придёт и разрушит ту жизнь, которую ты построил. Но разве жизнь, которую нельзя разрушить, — это вообще жизнь?

Я промолчал. Мать всегда умела говорить такие вещи, от которых мне хотелось спрятаться в свою скорлупу.

— Так ты подал в суд? — спросила она.

— Собираюсь.

— Хорошо, — она кивнула. — А пока собираешься, не забудь, что она женщина. И у неё есть чувства. Даже если она кажется тебе врагом.

Я хмыкнул.

— Ты на её стороне, да?

— Я на твоей стороне. Поэтому говорю тебе то, что ты не хочешь слышать.

Мы посидели ещё немного. Мать рассказала про свои дела, про соседей, про нового кота, который поселился у неё во дворе. Я слушал вполуха, думая о другом. О глине, о чертеже, о зелёных глазах, которые смотрели на меня с вызовом, когда я стоял на её пороге.

Когда мать ушла, я остался один.

В квартире было тихо. Только дождь стучал в окна. Я снял рубашку, замочил её в тазике с водой — глина въелась в ткань, и я не знал, выведется ли она вообще. Потом пошёл на кухню и открыл холодильник. Там был идеальный порядок: банки с йогуртами выстроены по цветам, овощи лежат в специальных контейнерах, мясо разложено по порциям.

Я всегда жил по расписанию. Встаю в семь. Зарядка. Душ. Завтрак ровно в семь сорок пять. Потом работа. Клиенты, объекты, переговоры. Вечером — чертежи, если остаются силы. Я никогда не отклонялся от плана. Потому что, когда ты живёшь по плану, никто не сможет тебя удивить. Никто не сможет причинить тебе боль.

Мать говорила, что я прячусь за этим планом. Может быть, она права. Но этот план работал десять лет. Он помог мне построить карьеру, заработать деньги, купить эту квартиру. Почему я должен его менять?

Я подошёл к столу и посмотрел на чертёж.

Три месяца работы. Три месяца я пытался сделать подарок для матери, которая ничего от меня не ждала. А теперь его нет.

И в этом была виновата она.

Я вспомнил, как она стояла на пороге. В старой футболке, с грязными руками, с этим вызовом в глазах. Когда я кричал на неё, она не опустила голову. Она улыбалась. Она смотрела на меня так, будто я был смешон. Будто моя злость была не страшной, а забавной.

Я сжал кулак.

Ладно. Она хочет войны — она её получит. Я не буду звонить юристу. Это слишком долго.

Я сделаю по-другому.

Я подошёл к шкафу и достал папку. В ней лежали документы на все квартиры в этом доме. Я изучил их, когда только начал скупать помещения. И у меня был план. Давний план, который я откладывал на крайний случай.

Я хотел выкупить всю коммуналку. Сделать здесь мастерскую. Для себя. Для работы. Мечта, которую я лелеял пять лет.

И осталось только одно препятствие.

Алиса Градова. Комната номер пять.

Я перевернул страницу с её данными. Двадцать восемь лет. Художник-керамист. Зарегистрирована по этому адресу уже семь лет. Одинока. Без детей. Ближайшие родственники — мать в Вологде.

Почему она не продаёт? Что держит её здесь? Деньги? Наивность? Упрямство?

Я решил, что найду ответ. И когда найду — я выиграю.

Я подошёл к окну. Внизу по мокрой мостовой проехала машина, разбрасывая фонтаны воды. Где-то наверху, в своей ужасной коммуналке, она сейчас, наверное, пьёт чай и радуется тому, как разозлила меня. Но она не знает, что я никогда не проигрываю.

Я вернулся к столу и достал лист бумаги.

Написал:

«Алиса Градовой.

Если вы не согласитесь продать квартиру, я подам иск о возмещении ущерба на сумму, в десять раз превышающую стоимость вашей жилплощади. У вас будет две недели, чтобы решить, что для вас важнее: принципы или дом.

С уважением, Л. Нестеров».

Я перечитал письмо. Угрожающе. Холодно. Идеально.

Но я не отправил его. Пока.

Потому что в тишине квартиры, в шуме дождя, я вдруг услышал звук сверху. Она пела. Опять. На этот раз что-то медленное и грустное. И голос у неё был неожиданно красивым. Он проникал сквозь потолок, сквозь мою злость, и застревал где-то внутри.

Я замер, слушая.

Потом тряхнул головой и смял письмо.

— Нет, — сказал я себе. — Ты не позволишь ей выбить себя из колеи.

Я выключил свет и пошёл в спальню. Но всю ночь мне снились зелёные глаза, глина и её голос, который звучал как дождь.

Глава 3. Коты, дождь и неловкость

Я проснулась от того, что кто-то сверлил стену.

Нет, правда. В восемь утра кто-то включил перфоратор, и весь мой дом задрожал так, будто по нему проехал танк. Я натянула одеяло на голову и застонала.

— Господи, за что?

Ответа не последовало. Только сверлили с новой силой.

Я посмотрела на телефон. Восемь ноль семь. Я проспала свой будильник. Надо было вставать ещё час назад, чтобы успеть на утреннюю смену в «Керамике на Фонтанке» — моём любимом местечке, где я подрабатывала мастер-классами. Там сегодня придут дети. Шесть человек. Будут лепить горшки и, скорее всего, измажут меня с ног до головы.

Я вскочила с кровати и запуталась в одеяле.

— Твою ж мать.

Пока я прыгала на одной ноге, пытаюсь освободиться, сверлила ещё громче. Я выглянула в окно. Дождь не прекращался. Питер встречал меня очередным серым утром.

Я умылась, натянула джинсы и свитер, схватила зонт и вылетела в коридор. В коммуналке было тихо. Степановна, видимо, ещё спала. Остальные соседи разъехались на дачи. Только я и этот чёртов архитектор снизу.

Я спустилась по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и уже почти вышла на улицу, когда увидела его.

Он стоял у подъезда. Прямо перед дверью. И в этот момент я поняла, что снова осталась без зонта, потому что забыла его в прихожей. Но дело было не в зонте.

Лев Нестеров стоял в сером пальто, с чашкой кофе в руке, и кормил кота. Бездомного рыжего кота, который жил у нас во дворе. Он протягивал ему кусочек булочки, и кот брал его с такой осторожностью, будто это было золото.

Я застыла. Это был не тот человек, который орал на меня вчера. Это был какой-то другой. Спокойный, сосредоточенный, почти нежный.

Он поднял голову и увидел меня.

Наступила та самая пауза, которую я так ненавижу. Когда оба знают, что произошло что-то неловкое, но никто не хочет признаваться первым.

— Вы, — сказал я.

— Я, — сказал он.

— Вы кормите котом.

Он посмотрел на рыжего, потом снова на меня.

— Это не кот. Это Матроскин.

— Вы знаете его имя?

— Он живёт в этом дворе уже два года. И он не любит, когда его называют безымянным.

Я открыла рот, хотела сказать что-то острое, но не могла. Потому что в этот момент он улыбнулся коту. Чуть заметно, одними уголками губ. И эта улыбка изменила его лицо. Сделала его человечнее, теплее.

— Я не знала, что вы любите животных, — выдавила я наконец.

— Я люблю порядок. Животные, в отличие от людей, не нарушают порядок. Они знают своё место.

— Ах да, — я усмехнулась. — Они сидят в коробке и не мешают вашему идеальному миру. Как я, например.

Он допил кофе и развернулся ко мне полностью.

— Вы, кстати, мне должны. За чертёж.

Я фыркнула.

— Я ничего вам не должна. Вы сами сказали, что вызовете юриста. Жду с нетерпением.

— Пожалуйста, — он шагнул ко мне, и я невольно отступила на шаг, упёршись спиной в дверной косяк. — Я серьёзно, Алиса. Продайте квартиру. Я предлагаю хорошие деньги.

Он назвал сумму, от которой у меня закружилась голова.

Но я только сильнее сжала кулаки.

— Нет.

— Почему? — он склонил голову, изучая меня. — Чем тебя так держит эта дыра?

— Не твоё дело.

Он вздохнул.

— Это моё дело, потому что я хочу купить этот дом. Весь. И у меня есть право знать, что мне мешает.

— Тебе мешает человек, который живёт здесь по праву, — я указала пальцем на дверь. — У меня прописано. И я не собираюсь уезжать только потому, что какой-то богатый мальчик решил, что ему тут нужна мастерская.

Его челюсть сжалась.

— Я не мальчик.

— А я и не говорю, что мальчик. Я говорю — какой-то богатый. Но, судя по тому, как ты кормишь котов, может быть, у тебя есть сердце. Хотя я всё ещё в этом сомневаюсь.

Он усмехнулся. Но не холодно, а почти весело.

— Ты очень дерзкая.

— Такова жизнь в коммуналке. Здесь не выживают вежливые.

Я развернулась и вышла из подъезда. Дождь сразу же ударил в лицо, и я поняла, что зонта у меня всё ещё нет. Но возвращаться было стыдно.

Через секунду я услышала за спиной шаги. Он подошёл ко мне и молча протянул зонт. Чёрный, огромный, дорогой.

— Держи, — сказал он.

Я не взяла.

— Мне не нужен твой зонт. Я привыкла к дождю.

— Идиотка, — сказал он без злобы. — Ты же промокнешь за две минуты.

— И что? — я повернулась к нему. — Питерские дожди закаляют характер.

— Тебе и так достаточно характера, — он сунул мне зонт в руки и развернулся, чтобы уйти.

Я смотрела, как он уходит. Его пальто промокло, но он не ускорял шаг. Он шёл так, будто дождь был ему нипочём.

И тут я заметила, что рыжий кот Матроскин сидит рядом и смотрит на меня с укором.

— Что? — спросила я. — Он же враг.

Кот мявкнул и отвернулся.

Я вздохнула и раскрыла зонт. Внутри было написано имя. «Л. Нестеров». Аккуратными буквами, как в паспорте. Он что, подписывает свои вещи? Конечно, подписывает. Он же перфекционист.

Мне стало смешно. И почему-то тепло.

На работе я была рассеянной. Дети лепили горшки, а я смотрела в окно, думая о том, как он стоял у подъезда и улыбался коту.

Катя позвонила в обед.

— Ну что, как война с красавчиком?

— У него есть кот, — сказала я.

— И что?

— И он кормит его каждый день. Ты понимаешь, что это меняет всё? Человек, который кормит бездомных котов, не может быть злодеем.

Катя засмеялась.

— Алиса, ты совсем дура? Ну кормит он котов. Это не значит, что он хороший. Серийные убийцы тоже любят животных.

— Кать!

— Ладно-ладно. Но ты думаешь о нём больше, чем он того заслуживает.

Я задумалась. Она была права. Я прокручивала в голове нашу встречу во дворе снова и снова. Как он выглядел, когда протягивал зонт. Как сказал «идиотка». Голос был хриплым и низким, но без злобы. Почти с нежностью.

— Я должна вернуть ему зонт, — сказала я. — Это хороший предлог.

— О боже, ты уже ищешь предлог.

— Кать, он купил три квартиры в моём доме. Он явно серьёзный человек.

— Тогда не влюбляйся в него. Ты же не хочешь стать ещё одной «испорченной соседкой» в его коллекции?

— Я и не собираюсь. Я просто хочу отдать зонт.

Я сбросила звонок и весь день думала, как вернуть зонт так, чтобы это выглядело случайно.

Вечером я вернулась домой, переоделась в сухое и подошла к двери. Зонт лежал у меня на столе. Я взяла его и вышла в коридор. Спустилась на этаж ниже и застыла перед его дверью.

На латунной ручке больше не было моего отпечатка. Он вытер его. Конечно, вытер.

Я подняла руку, чтобы постучать, но передумала. Положила зонт на коврик перед дверью. И сверху прикрепила записку, которую написала ещё утром:

«Держи. И не думай, что я теперь твоя должница. Это акт доброй воли. Алиса».

Я развернулась и пошла наверх. Но остановилась на полпути, когда услышала, как открывается дверь.

Я обернулась.

Он стоял на пороге, в домашней футболке, растрёпанный. Взял зонт, прочитал записку, и его лицо дрогнуло.

— Ты оставила на ней глину, — сказал он.

Я вытаращила глаза.

— Что?

— На зонте. Следы глины. Ты весь день носила его с собой?

Я посмотрела на свои руки. Они были в глине. Как обычно.

— Я не заметила.

Он покачал головой.

— Ты вечно пачкаешь всё вокруг.

— Это творческий беспорядок, — возразила я. — В отличие от твоего стерильного мира, где даже воздух боится оставить след.

— Мой мир — это безопасность, — сказал он тихо. — Ты не понимаешь.

Я спустилась к нему. Теперь мы стояли вплотную. Я видела, как его глаза на секунду задержались на моих губах, а потом отвели взгляд.

— Лев, — сказала я впервые, назвав его по имени. — Я не твой враг. Я просто хочу жить в своей квартире. Почему ты не можешь оставить меня в покое?

— Потому что, — он сделал паузу, и я поняла, что он подбирает слова, — потому что я хочу, чтобы здесь было красиво. И я вижу это красивым только в одном случае. Когда всё продумано. Когда нет места случайностям.

— Жизнь — это случайность, — ответила я. — И если ты боишься случайностей, ты никогда не будешь счастлив.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах было что-то, чего я не могла прочитать. Боль? Тоска? Одиночество?

— Ты слишком много говоришь о счастье, Алиса. Ты вообще знаешь, что это такое?

— Я знаю, что такое сидеть на балконе, смотреть на Неву и чувствовать, что ты на месте. Что ты там, где должна быть. Это и есть счастье.

Он помолчал.

— Тогда ты счастливее меня.

Сказал это без пафоса. Просто констатировал факт. Так, как говорят «сегодня идёт дождь» или «на улице холодно». И от этой простоты у меня внутри всё перевернулось.

Я хотела сказать что-то ещё, но он шагнул назад.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Лев.

Он закрыл дверь.

А я стояла в коридоре и чувствовала, как моё сердце стучит в такт каплям дождя за окном.

Вот так. Я начала войну, а закончила тем, что принесла врагу зонт и узнала, что он несчастен.

Я поднялась к себе, села на пол и уставилась на гончарный круг. Глина ждала. Но я не могла заставить себя работать. Я думала о нём.

И это было страшнее, чем любой суд.

Глава 4. Лепнина, секреты и первое "да"

На следующее утро я проснулась с мыслью, что вчерашний вечер был странным.

Я лежала в кровати, смотрела в потолок и прокручивала в голове его слова. «Тогда ты счастливее меня». Что это вообще значит? Он, у которого есть всё — деньги, квартира, идеальный порядок, — считает себя несчастным? Это какая-то новая тактика ведения войны? Атака на жалость?

— Не сработает, — сказала я себе вслух.

Но голос звучал неуверенно.

Я встала, умылась и вышла на кухню. На столе стоял мой любимый заварник — синий, с трещиной на носике, которую я заклеила ещё год назад. Он напоминал мне, что даже треснутые вещи могут быть красивыми. Я заварила чай и выглянула в окно.

Дождя не было.

Питер просыпался под редким для этого времени года солнцем. Оно пробивалось сквозь тучи желтоватыми лучами, делая стены домов тёплыми, почти медовыми. Город казался другим. Мягким.

Я решила, что сегодня будет хороший день.

И спустилась на первый этаж, чтобы проведать Степановну.

Она сидела на лавочке у подъезда, как всегда, с газетой в руках и котом Матроскиным на коленях. Увидев меня, она улыбнулась и помахала рукой.

— Алисочка, радость моя! Садись, рассказывай. Я слышала, ты вчера с тем архитектором разговаривала?

Я села рядом с ней, погладила Матроскина, который довольно заурчал.

— Разговаривала, Степановна. Он мне зонт дал.

Она хитро прищурилась.

— Зонт? Ага. Я, когда молодая была, тоже от мужчин зонты принимала. Это знак, между прочим. Он тебя защитить хочет.

— От дождя, — поправила я.

— От дождя, от бед, — она засмеялась. — Ты знаешь, почему он эти квартиры скупает?

Я пожала плечами.

— Для мастерской. Он же реставратор.

— Ой, доченька, — Степановна понизила голос до заговорщического шёпота. — Это только наполовину правда. Он тут раньше жил. В детстве. В этом самом доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.